

Возвращение Николая Разумова

Очерк

В мае нынешнего года увидела свет книга Николая Разумова «Душа моя, угомонись!..» Это наиболее полное собрание сочинений омского поэта. Многие произведения, ранее неизвестные, были найдены в его архивах и включены в издание. За внешне скромной обложкой скрываются не только талантливые стихи: выход книги не состоялся бы без серьезной работы как редакторов-составителей, так и родственников, и друзей поэта.

Выход посмертной книги – это зачастую сплав печали и надежды. Печали – оттого, что автора нет в живых и он не увидит обложки, содержания, иллюстраций и самое главное – своих стихотворений. Но есть ещё и надежда на то, что и после смерти поэта стихи продолжат жить и найдут отклик в сердцах внимательных читателей. Книга «Душа моя, угомонись!..» – собрание стихотворений омского поэта Николая Разумова, прожившего всего 35 полных лет. Ушедший в возрасте Николай Рубцова и Александра Вампилова, наш земляк остаётся одним из «малопрочитанных» и, к сожалению, практически незнакомых массовому читателю творцов.

С Николаем Рубцовым его роднит любовь к малой родине, идущая от корней, органическое понимание природы и при этом – стремление постичь высоты духа, философская направленность многих стихотворений. Помимо «опорных точек» поэтического творчества их объединяла любовь, а то и страсть к водной стихии: известно, как Рубцов бредил большой водой с ранних лет, четыре года служил на флоте, оставил множество стихотворений «морской тематики» и направленности. А его тезка, Николай Разумов, не только посвящал стихи главной водной артерии Омска – Иртышу, но и был прекрасно знаком почти со всеми моряками, ходившим по реке. Вода была его любовью, и, к сожалению, она же и погубила: в самом начале лета 1982 года катер, на котором находился Разумов и ещё два человека, на гигантской скорости врезался в баржу. Тело поэта так и не нашли. Удивительны и трагичны пророческие совпадения в стихотворениях Николая Рубцова «Я умру в крещенские морозы...» и Николая Разумова

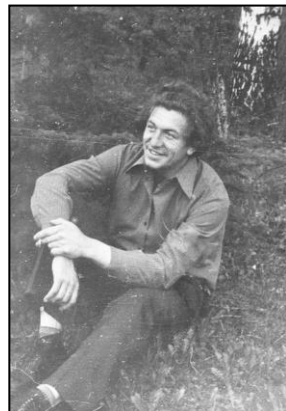
«Вы всё знаете! Я вот не знаю...», в которых авторы предсказывали собственную гибель.

При жизни Разумова вышла всего одна книга «Верю светло» – маленького формата, тоненькая и явно не включающая всё, что хотел бы видеть в ней сам поэт. Но она стала важнейшей вехой для автора: издание любой, пусть даже самой крохотной, но своей, персональной книги в СССР – дело значительное и заметное. Последующий сборник «Вечернее кочевье» стал, увы, посмертным и включал как стихи из первого, так и написанные после. В книге «Душа моя, угомонись!..» представлены оба сборника в полном объёме, а также произведения, которые удалось отыскать у родственников, в газетных публикациях.

Предваряет поэтическую часть эссе Александра Лейфера – друга Николая Разумова, ценителя его стихотворений. Издание содержит фотографии поэта, его родственников и друзей, черновики и документов, прижизненных и посмертных публикаций. Это даёт возможность более полно познакомиться с автором – как-то нестройно и даже сиротливо выглядели бы стихи и без вступления Александра Лейфера, и без фотографий – свидетелей эпохи, в которой жил и творил Разумов.

Конечно, обращает на себя внимание и до обидного малый тираж издания: всего пятьсот экземпляров. Это во много раз меньше, чем тираж первой, «кассетной», серокастричной книжечки Николая Разумова. Но, как ни горько это осознавать, книга не станет «бестселлером», не займет видные позиции в книжных магазинах. А всё потому, что эти стихи требуют внимательного, пристального прочтения, искреннего сопереживания и работы души, что не очень-то приемлемо для современных книголюбителей. Да и вообще, спрос на сборники омских авторов весьма невелик: бывает так, что книга, вышедшая ещё более крошечным тиражом, лежит на дальней полке магазина и три, и пять, и восемь лет. Это не беда поэтов, а жестокие реалии современности. Но будем надеяться, что «Душа моя, угомонись!..» найдёт именно тех читателей, которые не побоятся приобщиться к миру Николая Разумова, в котором далеко не всегда уютно, покойно и светло. Зато он освещён огнём настоящей поэзии.

Николай РАЗУМОВ (1946-1982)

Я опоздал к отлёту журавлей

Стихотворения

* * *

Вдохновение – дуновение,
Обожгло, распахнуло, ушло...
Остаются талант и умение,
Остаются работа и рвение,
Остаются радость и зло, –
Всё, но только не ремесло.

* * *

Я стихи потерял!
Вы случайно их не находили?
На дороге степной,
 что в родное приводит село,
Обронил я строку:
 «Мы с тобой здесь счастливыми были».
Для кого говорил?
 Всё пустынно. Тревожно. Бело.

Я стихи потерял!
 В невысоком задымленном доме,
Где с окоta овца у порога скользила ногой,
Примечтались слова
 «Ветер новой судьбы нас догонит».
А быть может, не я сочинил их,
 а кто-то другой?

Я стихи потерял! Незабытые, где вы, сироты?
Мне без вас тяжело.
 Ни к чему мне без вас. Ни к чему!
Приходите.
 Для вас я не ставлю резные ворота.
У калитки стою,
 что открыта в далёкую тьму...

* * *

Если вдруг грустью окрутит вас туго,
Если из глаз пометёт зимой, –
Пускай почтальон
 принесёт вам от друга
Тёплое
 маленькое
 письмо.

Если пойму, что мне не подняться, –
Пусть не пробьётся слеза из-под век!

Не дай
 над бессилием
 разрыдаться,
Напиши мне,
 пожалуйста,
 человек!

СОСНА

Звенело море в штормовом порыве,
Срывая космы мрачные со дна.
На каменистом вздрогнувшем обрыве
Сцепила корни старая сосна.

Она стонала, трескалась, скрипела,
Рвалась кора на горестном стволе.
Как жить хотело бронзовое тело
На круто повисающей скале!

Но навалился берег диким шквалом,
С кипеньем в берег врезалась волна,
Сосна, ломая сучья, вниз упала,
В слепое море рухнула сосна.

...Я в бор вхожу спокойно и устало.
Живут здесь в кронах медленные сны.
Здесь лучше видно, отчего не стало
На скользких скалах бронзовой сосны.

* * *

Жила деревня – старая, сырая,
В дымах спокойных крыши утопя.
Как сторожа, у кряжистых сараев
Столетние стояли тополя...

Деревни нет. Распаханы проулки,
Селяне где-то вызнали жильё.
Растрёпано, распахнуто, сутуло
Над пустырьём горюет топольё.

Кого позвать, порадовать, приветить?!
Попробуй дозовишься-ка, докричи...
Один.
И бьёт по веткам сильный ветер.
Один.
И в гости не летят грачи.

* * *

Никуда от детства нам не деться,
Не укрыться в солнечных лучах.
Детство, позови меня погреться
На уютном пахнущих печач.

Постели тулупишко овчинный,
Книжку о пиратах принеси...
Чтоб тайком заплакать без причины –
От чего, попробуй, допроси.

В детство я хочу не мимоходом,
Не на день и не на два на печь,
А чтоб вечно слышать в дымоходах
Ветра заколдованную речь.

Надо было потеплей одеться...
Ой, какая вьюга помела!
Взрослые, – не можем мы без детства,
Если вдруг не можем без тепла.

* * *

Есть дом и тополиный двор,
Которых я не знаю тише.
Здесь мой спокойный разговор
И просто, и свободно дышит.

Ещё есть чистое окно,
Что смотрит в сторону заката.
В нём свет настоян, как вино
В бокале чуть холодноватом.

Здесь женщина живёт давно.
Её всегда я слышал рядом
В тот миг, когда смотрел в окно
Сквозным и бесконечным взглядом.

* * *

Встаёт на крышу длинноногий аист,
Дельфин приводит в бухту корабли,
Весною снег под яблонею тает,
Перед зимой тоскуют журавли.

Плакучие не веселятся ивы,
Под бурею не гнутся тополя,
От радости не прыгает счастливый,
А добрый не хранит на сердце зла.

Пересыхают маленькие реки,
Большие – собираются в моря...
Не затухает над землёй заря.
Живут мечты и силы в человеке.

* * *

В моем краю осыпались леса,
Пришла пора унылая и злая,
А у меня теплеют здесь глаза.
Глаза теплеют. Почему? Не знаю.

Плотнее ветер, и далече даль.
Спокойней шаг, и тяжелее плечи.

Глаза теплеют, и светла печаль –
В моей деревне затопили печи.

Плывут дымы – оврагами, жнивьём,
Как сотни лет над родиною плыли.
Идут года... Мы жили и живём.
Глаза теплеют. Печи затопили.

Я ОПОЗДАЛ...

Я опоздал к отлёту журавлей.
Я поздно вышел. Трудная погода
Уже пошла по сумраку полей
Ронять и сеять стынувшие воды.

Но мне сказал сибирский мой сентябрь,
Что где-то тихо за Уралом синим
Они летят, усталые, летят
И покидают милую Россию.

А в том краю и друга даже нет.
Но я прошу любого, как собрата:
«Вы посмотрите журавлям вослед
И пожелайте скорого возврата».

ПЕСЕНКА

Прилетели с громкой сплетней
Сто сорок в осенний сад...
То ли это дождь последний,
То ли первый снегопад?

Мне припомнилось о лете,
Потому и скучен взгляд...
Этот дождик не последний,
И не первый снегопад.

А во всём угрюмом мире
Всяк чему-нибудь да рад...
Ждут, наверно, дождь последний,
Или первый снегопад.

* * *

В тёплый дом из ночного тумана
Я приду и зажгу яркий свет.
Посмотрю за оконную раму –
Никого там, наверное, нет.

Так и есть – никого. Лишь на ветках,
Что развесила старая ель,
От земли и до самого верха
Тяжелеет густая капель.

В тихий час на исходе апреля –
Спи, мой сад, в ожиданье тепла!..
Это я не усну, не поверив
До конца, что Она не пришла.

В ДОМЕ

Хотелось мне одну тебя любить,
Но вырос лёд, что был когда-то тонок.
И в доме нашем нечем истопить.
И плачет в доме маленький ребёнок.

Оставить дом, уйти – не мудрено.
В другом приветят щедро и влюблено...
Метель скребётся в чёрное окно.
И плачет,
плачет
маленький
ребёнок.

* * *

Мы, уезжая, пропадаем,
А кто-то, падая в траву,
Так неподделанно рыдает,
Так больно, – будто сердце рвут.

Уносит дни, как листья, ветер,
И ворохом у ног – года.
Бездумно радостные встречи
Везут в вагонах поезда.

Ну кто, ну кто же разгадает
Разлук пустую маяту?..
Сто лет тебя я ожидаю.
И тысячу – ещё прожду.

* * *

Тяжелее весны не случилось –
Боль и радость бредут заодно...
Проморгал, когда юность стучалась
Молодою сиренью в окно.

Позабылось, что снилось и было.
Мимо дни пролетели – их нет.
Словно бешеным паводком смыло
Ветхий дом неустроенных лет.

Только верю я, что-то осталось
Про запас на торжественный день.
Ведь недаром, недаром стучалась
Мне в окно молодая сирень.

ПОДРАНОК

Утряна мягкая спросонок.
Оплавлен розовым зенит.
Под тонким шагом жеребёнка
Осока росная звенит...

Река без имени и силы
Туманит кудри ивняка.
Вдруг утка голову скосила
На звук взведённого курка.

Но выводок большого лета
Ещё не ведал о беде,
И хлестанула дробь дуплета
По сизым крыльям, по воде.

Без крика. Вверх! Укрыться где бы!
Мгновенье – стая на крыле...
Крылатых вырывает небо,
Крылатым трудно на земле.

Одна от выводка отстала.
Всё ниже, медленней крути.
Дробина тихо остывала
В горячей вянущей крови.

Охотник радовался рано,
Из гильзы выдувая дым –
Стрелой обломанной
подранок
Рванулся к тучам
молодым.

Крыло упруго. Выше! Выше!
Глаза в пороховой золе.
Там небо –
раненым там тише.
Крылатым трудно на земле.

МАРТ

Тоненькая веточка в стакане –
Детская забава. Как всегда,
Липкими листочками вдруг станет
Комнатная тёплая вода.

За окошком так ещё морозно.
С крыши ветер падает, скользя.
И весне порадоваться можно,
Но поверить больно и нельзя.

* * *

Нет, никуда не убегу,
Куда б бежать не собирался.
На этом омском берегу
Я с давних детских лет остался.
Пусть даже высохнет река
И все моё забудут имя, –
Здесь вечно будут берега,
Что были до конца моими.

* * *

Вы всё знаете! Я вот не знаю,
Что случится со мною, когда
Развернётся по хмурому маю
Половодья большая вода.

Вас не тронет бедою стихия.
За двойными замками квартир,
К непогоде, как прежде, глухие,
Вы не взглянете даже на мир,

Где под брызгами, ветром и рёвом
Я на гиблом стою берегу.
Ни любви не осталось, ни крова,
А уйти всё равно не могу.

Вы узнаете, я не узнаю,
Что случилось со мною, когда
Размахнулась по хмурому маю
Половодья большая беда.

